

П. В. Шувалов

Два периода в истории славян VI века¹

Раннюю историю славян — от первого их достоверного упоминания в письменных источниках при описании событий первой трети VI в. и до начала активной колонизации Балкан при императоре Ираклии — традиционно рассматривают как начальный период разложения традиционного «первобытнообщинного строя» и перехода к эпохе формирования прото- и раннегосударственных структур. Действительно, после этого периода, а именно в VII в. в источниках появляются первые центры княжеской (гex, dux) власти у славян в западной, аварской зоне и формируется союз племен во главе с риксом (rǫx) Первудом у славян восточной, византийской зоны². Но с тем, что было до начала VI в., дело обстоит сложнее: по этому вопросу у нас практически отсутствуют письменные источники, лингвистические плохо датируются, археологические же дают несколько неожиданную для историков картину.

Это картина достаточно примитивного общества как для первой половины VI в., так и для предшествующего времени: скопления селищ по несколько небольших полуземлянок, каждая размером не более чем 3×4 м, внутри — печь-каменка по-черному в дальнем от входа углу, остатки ямок от столбов для лавок и стола посередине и бедные находки (обычно пряслице, два-три исключительно домашнего производства лепных никак не орнаментированных горшка и сковорода); железные или бронзовые изделия чрезвычайно редки — на весь период буквально несколько фибул-застежек, пряжек, нашивных бляшек, ножей и простых хозяйственных орудий, наконечников стрел и дротиков, один фрагмент ножен парадного меча в Ясковичах³ и одна костяная накладка на лук кочевнического типа в Хитцах⁴; вокруг домов — несколько зерновых ям

и по одной литейно-кузнечной мастерской на группу соседних небольших поселков, а в нескольких километрах от них — безинвентарные трупосожжения в неглубоких ямках или в таких же лепных горшках; и в целом — практически полное отсутствие изделий из драгоценных металлов и камней. Типологически главные культуры, считающиеся славянскими (пражско-корчакская, пеньковская и колочинская), не похожи ни на одну из культур более южных и западных районов Европы римского времени, зато близки, а иногда и почти неотличимы от культур лесной зоны Восточной Европы. Но при этом непонятно, откуда, из каких культур II–III вв. происходит главная раннеславянская культура — культура пражская или пражско-корчакская: до сих пор не найдено ее прямых бесспорных предков. В результате славяне в начале VI в. появляются для нас как бы из ниоткуда, уже сложившейся общностью.

Начальная фаза славянской истории от нас сокрыта. Именно поэтому так важно попытаться определить специфические черты славянства на момент его появления в письменных источниках, чтобы иметь возможность хоть как-то восполнить отсутствие сведений по предшествующему периоду. Иными словами, нужно попытаться разделить историю славян в VI в. хотя бы на ранний и поздний периоды, охарактеризовав специфику раннего периода и определив вектор развития славянства на этом этапе его истории. В отечественной науке четкого разделения истории славян в VI в. мне неизвестно, несмотря на то что имеется ряд очень важных наблюдений о специфике славянского общества в разные десятилетия этого века. Для примера обратимся к нескольким базовым публикациям.

В коллективной обобщающей работе, изданной в Институте славяноведения и балканистики в 1985 г.⁵, в начале главы «Славяне и Византия» О. В. Иванова и Г. Г. Литаврин указывают, что «задача [главы] состоит в установлении с возможно большей конкретностью форм и этапов (!!! — *П. III.*) общественного развития славян от их появления на Дунае до начала формирования институтов государственной власти»⁶. И ниже по интересующему нас периоду авторы указывают лишь на несколько различий между первой половиной и концом VI в.: уменьшение расстояний между славянскими поселениями и соответствующее возрастание плотности населения (при сопоставлении данных Прокопия и «Стратегикона»)⁷, освоение осадной техники (Прокопий — Чудеса св. Димитрия)⁸, увеличение числа угоняемых в рабство жителей Балкан⁹, превращение военного вождя и высшего арбитра в наследственного вождя племени¹⁰.

М. Б. Свердлов, обращаясь к раннеславянской теме при исследовании Древней Руси и других средневековых славянских стран, рассматривает период VI — начала VII в. как единое целое¹¹, лишь отмечая формирование новых понятий в политической сфере и «быстрый прогресс уже в VI в. славянской знати как воинов и полководцев»¹².

А. А. Горский тоже не склонен разделять всю раннеславянскую историю на фазы¹³, но в заселении славянами Балкан выделяет этапы: (1) с середины

550-х по 580-е гг. и (2) с 602 по 626 г.¹⁴ При этом он приходит к выводам, что «этнополитическая структура славян после расселения коренным образом отличалась» от той, что была до начала их расселения¹⁵, что за время расселения произошло «возрастание роли военного предводительства»¹⁶ и появление слоя дружинников¹⁷.

Чрезвычайно важным представляется обоснованный анализ источников вывод А. А. Горского о знати у славян в эпоху расселения (VI–VII вв.) и в эпоху складывания государств: если служилая, дружинная знать фиксируется для второй из этих эпох, то «ясных свидетельств о наличии у славян племенной старшины», «племенных старейшин», «племенной знати» для обеих этих эпох нет¹⁸. Из этого правильного положения, правда, исследователь выводит, с одной стороны, неожиданное, а с другой — привычное заключение, что «племена славян перестали существовать в эпоху расселения и сменились новыми, территориально-политическими общностями... В ходе расселения в результате слома старой племенной структуры основная часть старой племенной знати» существовавшая (по мнению Горского) племенная старшина «утрачивала свои позиции, уступая место новой, служилой знати, не связанной с родовыми и племенными институтами, формировавшейся по принципу личной верности предводителю-князю». При этом основанием для такого заключения ему служит не столько материал источников или их анализ, сколько убежденность, что «племенная знать» несомненно существовала в праславянских племенах «дорасселенческого» периода¹⁹, что «такая социальная группа», как «племенная знать... в которую включают племенных вождей, племенных и родовых старейшин, языческих жрецов, — явление общеисторическое. <...> Представляется очевидным: не быть данной категории у славян просто не могло»²⁰. Трудно спорить с таким общетеоретическим постулатом, если только не указать на конкретные факты.

Здесь уместно привести этнографические данные по индейцам Большого Бассейна и Юго-Запада США, например по земледельцам-охотникам апачам хикарилья-ольерос²¹, у которых практически отсутствовала и племенная организация, и выделившаяся племенная верхушка, притом что у них были главы семейных групп и жрецы-шаманы, а в походах — военные вожди. Возможно, проблема состоит в том, как понимать термин «знать», но определение знати как социальной группы не оставляет другой возможности, кроме как полагать, что она отсутствовала у хикарилья-ольерос.

Следовательно, ничто нас не обязывает считать, что при полном молчании источников²² у славян до середины VI в. все-таки была племенная верхушка и племенная организация²³. Племенная знать у славян не «перестала существовать» и не «уступила место»: ее, скорее всего (согласно молчанию источников и принципу бритвы Оккама), в то время у ранних славян просто не было. Возможно, и о надродовой («племенной») организации для этого времени говорить не стоит. На все это указывают странная неспособность и Кассиодора/

Иордана, и Прокопия Кесарийского назвать имя хотя бы одного славянского племени или славянского вождя (не считая легендарного эпизода с Бозом, существовавшего не в славянской, а в готской памяти и записанного в VI в.) и фраза в «Гетике», что «их имена меняются в зависимости от той или иной родовой группы или места» (*nomina licet per varias familias et loca mutantur — Iord. Get. 34*)²⁴, и эгалитарная скудость археологической культуры ранних фаз пражско-корчакского типа, и сам факт отсутствия следов какого-либо общеславянского героического эпоса, и вышеупомянутое наблюдение А. А. Горского о славянской знати. Так было до начала активных контактов со средиземноморским миром на Балканах. А затем, во второй половине VI в., прямо на этой первозданной социальной почве начинают сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее расти зародыши новых социальных структур — более сложных, чем локально-семейные группы, лишь периодически объединяющиеся в какие-то подобия конфедераций при возникновении внешней угрозы. Более предпочтительным тут представляется подход В. Поля²⁵, в рамках которого предполагается, что славянское общество раннего периода было обществом сегментированным, а не иерархизированным, в котором не было ни развитых постоянных надобщинных структур, ни реальной власти вождей, ни господства одних общин над другими, а сами общины скорее имели характер семейных объединений, чем кланово-родовых или административно-территориальных организаций²⁶. К концу же VI — середине VII в. славянское общество пережило своего рода демографическую и культурно-политическую революцию, войдя в фазу бурного демографического роста и испытав на себе сильнейшее влияние средиземноморского мира. В результате у славян начинают формироваться и общинно-племенные структуры с сетью городищ-убежищ и административно-хозяйственных центров, и институт княжеской власти с дружиной и служилой знатью, и различные социальные группы, и первые политические образования.

Этой картине стремительного перехода от эгалитарно-первобытного общества к протогосударственным структурам в целом соответствуют данные письменных источников, с одним, правда, исключением. Действительно, данные «Стратегикона» Псевдо-Маврикия, традиционно относимые к концу VII в., дают картину, напоминающую все-таки больше образы славян Псевдо-Кесария, Прокопия и Иордана, нежели свидетельства авторов последней трети VI — середины VII в. (Менандра Протектора, Феофилакта Симокатты, Чудес св. Дмитрия, Фредегара), называющие имена конкретных вождей и описывающие их деятельность. Однако последние исследования текста трактата Псевдо-Маврикия «Стратегикон» предоставляют новые возможности реконструкции раннеславянской истории²⁷. Выделение раннего слоя в «Стратегиконе» и датирование его 530-ми гг. ставит вопрос о соотношении данных о славянах, содержащихся в этом раннем слое, с данными других источников о славянах этого периода (в первую очередь Прокопия и Псевдо-Кесария). Их сравнение пока-

зывает практически полную непротиворечивость получаемого образа славян первой трети VI в.: славянское общество и культура предстают как совершенно архаичные и патриархальные, эгалитарные и основанные на патриархальном укладе и ликантропическом культе с человеческими жертвоприношениями и каннибализмом²⁸. В то же время источники по славянам последней трети VI в. (за вычетом указанных пассажей Псевдо-Маврикия) позволяют предположить существование уже совсем иного славянского общества — общества с развитым институтом власти вождей. Это позволяет поставить вопрос о действительно революционном развитии славянства во второй трети VI в.

Кстати, именно такая картина прекрасно вписывается в археологический материал, который может существенно помочь нам в проникновении за пределы осведомленности письменных источников. Развитие археологии и накопление материала дает возможность существенно сузить спектр возможных реконструкций раннеславянского общества. Важнейшую роль тут играют систематические исследования как всей культуры ранних славян, так и отдельно взятых регионов с так называемыми «гнездами» или скоплениями поселений, соотносимых с тем, что в новое время определяют как общину или большое село. Так, исследования, проводившиеся под руководством И. П. Русановой и А. Б. Тимощука на территории Правобережной Украины и Северной Буковины на протяжении нескольких десятилетий, дали весьма интересные результаты.

Славянские поселения возникают на большинстве территорий после серьезного демографического спада в конце римского времени. Например, на территории Черновицкой области поселения культур черняховской и карпатских курганов (III–V вв.) тянутся на многие сотни метров и состоят из десятка и более одновременных жилищ. Суммарная их численность лишь в Черновицкой области — более 300. Словянские же селища V–VI вв. (их тут известно менее 30) — малые, тянутся до 200 м, состоят из 4–5 синхронных жилищ²⁹.

Особенно интересным является реконструкция фаз развития общины села Черновка (Чорнівка) в Северной Буковине³⁰, расположенного в верховьях ручья Мошков, текущего с севера на юг в сторону долины реки Прут. Рассмотрим данные по Черновке в сравнении с материалами других микрорегионов. Село Черновка (2589 человека на 1930 г.) контролировало в средневековье территорию шириной примерно 5 км и длиной с севера на юг 10 км, отграниченную (кроме юго-востока) от соседних сел буковым лесом по водоразделам, каньонам и холмам с сельскохозяйственной территорией (примерно 3×5 км) в середине долины вдоль ручья и его притоков. На период со времени возникновения тут славянского поселения по XIII в. в результате сплошного археологического обследования было установлено существование на этой территории трех зон заселения: на северной окраине современного села — (1) северная зона из пяти селищ вокруг могильника с сожжениями в неглубоких ямках (более 80 насыпей) в верховьях ручья Мошков по его притоку Солонец уже в лесу; ниже

по течению ручья в паре километров — (2) западная зона из четырех селищ вдоль правых притоков (Рула и Вела) под горой с городищем; а еще в паре километров ниже — (3) южная зона из девяти селищ вокруг южного городища в излучине ручья Мошков, где он поворачивает на запад, чтобы вскоре выйти за границы долины.

В начале как черновского, так и большинства из выделенных гнезд поселений стоял один небольшой хуторок: так, из 26 гнезд, обозначенных на карте у Тимощука, для 19 в каталоге зафиксировано у каждого одно изначальное селище VI в.³¹ К сожалению, в большинстве случаев это материалы разведок и поверхностных сборов, а не планомерных раскопок, но тем не менее, наверное, уже и по ним можно сделать пока гипотетический вывод, что освоение славянами этой территории шло не через отселение части или целой общины, а через поселение на новом месте одного прародителя или одной семьи, а от нее со временем при благоприятных обстоятельствах отделялись и вырастали дочерние поселения по соседству, которые спустя век-другой все вместе и предстают как гнездо поселений. При этом материнское (самое раннее) поселение с течением времени превращалось в центр патриархальной общины (например, Корчак VII, Тетеревка I, Кодын I, Городок-центр, Семенки-центр, Дессау-Мозигкау-центр), выделявшийся не только древностью, но и центральным расположением, и большими размерами, и наличием не связанных с конкретными домами зерновыми ямами, и, что является по мнению Тимощука главным признаком, — наличием кузнеца-литейщика (железнодорожная мастерская с печью, шлаки, сопла, литейные формы, льячки, тигли)³². Фактически мы можем наблюдать постепенное формирование общины на базе одного первоначально небольшого хутора.

На всей территории черновского гнезда на ранней фазе существовало только одно село — «Черновка I» в западной зоне внизу притока Рула, на месте заброшенного в V в. черняховского поселения. Оно началось с двух жилищ второй половины VII в.³³, что соответствует одной семье (срок службы землянки в среднем никак не превышает нескольких десятилетий), но, учитывая тот факт, что археологи находят не все, что есть в земле (да и к тому же жилища VI–VII вв. труднее обнаружить без раскопок, чем более поздние³⁴), можно предположить на этот период существование пары небольших поселений с несколькими одновременными домами, что может соответствовать изначально одной-двум большим семьям — в западной и, возможно, в северной зоне. Аналогичная картина предполагается исследователями и для других поселений, например для полностью раскопанных селищ Кодын I и II у с. Острица в 20 км южнее³⁵. Так, И. П. Русанова, изучив гнезда поселений у с. Корчак на Правобережной Украине, пришла к выводу, что в среднем в одном поселке «в одно и то же время жизнь протекала лишь в пяти-семи домах. <...> Как правило, поселения существовали на одном месте <...> несколько десятилетий. Об этом говорят тонкий культурный слой <...> и небольшое число жилищ, каждое

из которых могло стоять не больше одного-двух десятилетий»³⁶. Сходные выводы получены для поселения Тетеревка I³⁷, для которого на V в. подсчитана численность около 25 человек в 5–6 домах, а для гнезда поселений Тетеревка-Шумск — ок. 50 чел. в 12 домах; на VI в. соответственно — 4...12 чел. в 1–3 домах и до 20 чел. в 5 домах. Исходя из размера жилищ (от 2×2 до 3×4 м), принято считать, что в одной землянке жила одна малая семья, что дает численность жителей такого поселка примерно в пределах от 15 до 50 душ, а для гнезда поселений (территория в среднем около 70 км²³⁸), в зависимости от количества поселков, от нескольких десятков до нескольких сотен. Тимощук определял среднее число селищ для одного гнезда VI–VII вв. как четыре-пять, «каждое из которых состояло из шести-восьми одновременно функционировавших жилищ», что означает, что «на территории каждого гнезда-общины VI–VII вв. могло жить, включая и детей, до 150–200 человек»³⁹.

Эти данные, учитывая большую плотность славянского населения на левобережье нижнего Дуная (зона культуры Ипотешть — Кындешть — Чурел), находятся в полном соответствии с интерпретацией В. В. Кучмой данных «Стратегикона» Псевдо-Маврикия: в среднем 5 км берега на одно славянское село («хорию»), для полного обстоятельного и быстрого уничтожения и разграбления которого византийскому войску рекомендовано выделять отряд в 600–800 воинов⁴⁰.

К сожалению, в Черновке не было произведено расчетов хозяйственных угодий. Зато такое уникальное исследование с опорой на весьма подробные расчеты по данным топографии, почв, спорово-пыльцевого и ботанического анализа с реконструкцией палеоэкологии и сырьевого потенциала ресурсной зоны было произведено для поселения Тетеревка I на Правобережной Украине⁴¹. Это исследование подтверждает небольшое число жителей этого поселения, живших за счет подсечного земледелия с возможным переходом к пропашному переделу (пшено, ячмень, а также овес и рожь), выпаса крупного рогатого скота, рыболовства и лесных промыслов⁴². Для Тетеревки I в V в., исходя из полного цикла подсеки в 25 лет и ежегодной посевной площади в 10–12 га, исследователи реконструируют общую территорию, включенную в подсечный оборот в районе 80–96 га (примерно 1 км²)⁴³. Эти данные при переносе на топографию Черновки к концу начального периода дают примерное число не более нескольких сотен жителей.

По части внутренней организации общей жизни такого поселка есть данные по топографии. С одной стороны, Б. А. Тимощук зафиксировал не только личные (в домах), но и находящиеся на общей территории между домами зерновые ямы (например, на поселении Кодын) и отсутствие признаков индивидуальных усадеб. Поэтому он считает эту общину большесемейной (соседско-родовой), определяя ее как союз родственных патриархальных семей⁴⁴. С другой стороны, А. П. Томашевский и И. О. Гавритухин по материалам раскопок И. К. Фролова под руководством И. П. Русановой указывают на существование отдельных

«усадеб» на поселении Тетеревка I в первой половине V в. (период «0» пражской культуры), состоящих из синхронных сооружений: жилой землянки, нескольких хозяйственных построек и хозяйственных ям внутри одной ограды. При этом важно, что на поселении имеются признаки «фундаментальных оград», отделяющих двор одной «усадьбы» от двора другой, которые «не позволяют говорить о каких-то общих для всех обитателей поселка хозяйственных построек или других намеках на раннеславянское “коллективное хозяйство”»⁴⁵.

В центре того же поселения Тетеревка I вплотную к усадьбе 6 исследователи реконструируют примитивное культовое сооружение размером примерно 3×4 м с двумя урновыми погребениями в центре. Одно из них было совершенно примерно спустя полвека после сооружения первых домов и располагалось на краю поселка (затем оно окажется в его центре). Аналогичное, также двойное и раннее погребение зафиксировано и на поселении Корчак IX в соседнем гнезде⁴⁶. Кроме того, сожжение в урне V в. найдено на поселении Тетеревка III⁴⁷. Не исключено, что это — следы какого-то культа общего предка и основателя поселения. Тетеревское сооружение интерпретируется как сакральный «общественный центр, прообраз контин» и длинных домов на городищах-убежищах VII–IX вв., где также зафиксированы культовые погребения или фрагменты человеческих костей в культовых местах⁴⁸, например на городищах Зимно и Бабка⁴⁹.

Не исключено, что на этом раннем этапе (V — начало VI в.) в пражской культуре уже было характерное для более позднего времени⁵⁰ разделение территории между культовым мужским центром (который потом переместится на городище-убежище, где будет свой культовый центр⁵¹, преемником его затем станут городища — административно-хозяйственные центры) и культовым погребальным центром (могильником и иногда капищем, которое часто формируется на другом берегу ручья или другом конце долины, преемником чего станут затем городища-святилища). Такое деление пространства на две зоны могло отражать деление мира на две сферы — на сферу войны и юношества и на сферу семейно-поминальную и стариков, что соответствует разделению сфер влияния военного вождя и родовых старейшин, а также представлениям о существовании у ранних славян возрастных классов. Возможно уже в VI–VII вв. в Черновке функционировал могильник в северной зоне и использовалась гора «Городище» на западе как убежище (где были отчетливо видны остатки валов II–I вв. до н. э.) и как дозорный пункт (483 м над уровнем моря), где позже возникнет городище (Горишние Шеровцы II). Впрочем, не исключено, что это древнее городище в ранний период как убежище использовали оба соседних поселения — и черновское, и расположенное по ту сторону горы горишнешеровское. На эту гору ведут тропы и от верховьев ручья Рула, и вдоль соседнего ручья Вела, вдоль которых и располагались поселения «западной» зоны. Очевидно, что жители, находящиеся в «северной» зоне, в случае неожиданной опасности не смогли бы

успеть на городищенскую гору, так как дорога туда будет захвачена врагами раньше: значит, им оставалось лишь скрываться в северном лесу на отрогах горы Верхняя Коцюба, отделяющей бассейн Прута от бассейна Днестра или Бердо на северо-западе. Это, возможно, создавало деление пространства долины на, соответственно, зону погребального культа и зону обороны, между которыми и протекала жизнь этой большой семейной общины. Подобная же двоичная структура прослеживается и в соседнем гнезде поселений, расположенном с запада за горой в деревне Горишние Шеровцы (Горішні Шерівці): могильник расположен там на крайнем севере в верховьях ручья в лесу, а городище со слоем VIII–X вв. (Горишние Шеровцы I) — на обрывистых склонах в южной части территории⁵². Пространственное разнесение культового и административно-хозяйственных центров, по наблюдению Тимошука, характерно для многих гнезд-общин⁵³, например, для расположенного к северу от Черновки за горой Добрыновского гнезда: там культовый центр (Ржавинское городище) также располагался в северной части в лесу, а основное городище административно-хозяйственное — южнее, несмотря на то что направление склона и течение ручья тут обратны черновскому и горишнешеровскому⁵⁴. В Ревно городище-убежище с могильником на нем и городище — общинный центр находились близко друг от друга на разных берегах ручья⁵⁵.

Расстояние между поселками внутри одного гнезда VI–VII вв. «не превышает 1,5–2 км, но чаще всего они располагаются почти рядом. Расстояние до селищ другого гнезда-общины было более значительным, не менее 5–10 км. <...> Псевдо-Маврикий в своем “Стратегиконе” писал про славянские поселения: “они так соприкасаются друг с другом, что между ними нет столь большого расстояния, чтобы о нем стоило упоминать <...> Чтобы приблизиться к таким поселкам, нужно двигаться по более пустынным местностям”»⁵⁶. Сравнивая эти данные между собой, Б. А. Тимошук пришел к выводу, что здесь у Псевдо-Маврикия «явно идет речь о поселках одного гнезда-общины, характерного для VI–VII вв.», отделенного от другого незаселенными землями.

На период VIII–IX вв. в Черновке установлен рост населения, жившего теперь по восьми небольшим поселениям (в северной зоне 4, в западной 3 и в южной 1, — суммарно 200–300 жилищ), а также в общинном центре «Черновка II» с не менее чем 200 жилищами, 2 ремесленными мастерскими и 17 вряд ли одновременными кузнечными печами на границе с западным лесом в урочище Рулы. На холмах к югу от него располагались цепочкой срубные постройки, определенные Тимошуком как сторожевые башни. Западнее общинного центра, выше него метров на 200 в лесу на отдельно стоящей горе «Городище» располагалось упомянутое ранее древнее городище-убежище (Горишние Шеровцы II), на котором в X в. возникает княжеская крепость. «В гнездах-общинах VI–VII вв. селища <...> располагаются на близком расстоянии одно от другого. Другая картина наблюдается в гнездах-общинах VIII–IX вв. Селища <...> часто располагаются на земле общины на значительном расстоянии одно от другого.

Например, <...> Черновка VIII удалена от остальных поселений этого гнезда не менее чем на 3 км. <...> Рассредоточение селищ на территории гнезда-общины можно объяснить только тем, что патриархальные семьи VIII–IX вв. начали обособленно пользоваться пахотной землей, которую они своим трудом отнимали у дикой природы. Переход <...> был тесно связан с переходом от подсечно-переложной к паровой системе земледелия»⁵⁷. «Приблизительные подсчеты показывают, что количество населения на территории каждого гнезда-общины VIII–IX вв. могло достигать 350–400 человек, но не больше»⁵⁸. Термин «“вервь” “Русской Правды”, который выводят от слова “веревка”, <...> мог появиться только тогда, когда происходили какие-то измерения в землевладении и применялась веревка <...> это связано с закреплением земельных наделов за отдельными большими патриархальными семьями»⁵⁹. Эти соображения Б. А. Тимошука вызывают желание поставить вопрос: не лежал ли в основе всего этого процесса простой демографический фактор — фактор увеличивающейся перенаселенности, приведший и к рассредоточению сел, и к формированию системы организации, стоявшей над ними и регулировавшей их отношения, — к формированию общины, в которой до этого просто не было надобности?

Итак, на основании археологического материала для раннего периода (V–VI вв.) можно с уверенностью говорить об археологически установленном расселении ранних славян по крошечным поселкам или, скорее, хуторам из нескольких домов каждый. В одном доме жила одна малая семья (4–5 человек), ведшая каждая свое отдельное хозяйство, но, вероятно, связанная какой-то общей деятельностью (подсечное хозяйство?) и, возможно, общим культом (общего предка?) с соседними семьями (патриархальная семья?). Таких поселков в одной небольшой долине или вдоль течения одной небольшой речки или ручья изначально (в V — начале VI в.) могло быть один-два, вряд ли больше. Это, скорее всего, определяется первоначальным ядром первопоселенцев, состоявшим из одной семьи, но включавшим с какого-то момента в свой состав кузнеца-литейщика. Со временем число поселков увеличивалось до полутора десятков с сохранением общего центра в материнском поселении. Они объединялись в локальную общину («гнездо селищ» до нескольких сотен человек), имевшую в материнском поселке своего кузнеца-литейщика и свое кладбище и капище на своей территории (в среднем не более 70 км²). Скорее всего, в ведении такой общины было также и совместное владение лесными, водными и пастбищными угодьями, при возможном раздельном пользовании личными участками. Не исключено, что в части общин существовало внутреннее разделение пространства на две зоны: в районе кладбища, связанную с почитанием предков, и в районе укрепленного природой убежища, на котором могли практиковаться военные мужские молодежные собрания и соответствующие культы. Была ли эта община кровнородственным сообществом или сообществом неродственных соседей, сказать трудно. Возможно, это зависело от конкретной ситуации: в монокультурных регионах это были скорее родовые общины (например, в Корчаке),

а в зоне сосуществования разных культур (например, пражской и карпатских курганов в Буковине, или в зоне культуры типа Ипотешть — Кындешть — Чу-рел в Валахии) они часто состояли из нескольких не родственных друг другу разноязычных групп (например, поселение Кодын II, которое делилось на две зоны — западную славянскую и восточную дакийскую). Эта община иногда могла объединяться с соседней общиной для организации обороны (совместное использование естественно укрепленных убежищ на смежной территории), но вряд ли такое объединение стоит считать «племенем». Можно однозначно с уверенностью утверждать, что для раннего периода (V–VI вв.) нет никаких достоверно датированных этим временем признаков существования иных структур, чем общинные, — как внутриобщинных, так и вне- или надобщинных. Еще нет ни ярко выраженного разделения труда и выделения профессиональных потомственных ремесленников (кроме кузнеца-литейщика), ни обособления более зажиточных членов общества (нет признаков «социального неравенства», «социальная верхушка еще не выделилась»⁶⁰), ни формирования какой-либо родовой аристократии или военной и административной прослойки, ни существования оформленного института князей с дружинами. Нет даже никаких специальных построек, которые можно было бы интерпретировать как доминирующие на поселении или как общинные мужские дома или же как культовые постройки и святилища (если не считать таковым миниатюрную постройку на поселении Тетеревка I). Единственное различие между постройками на одном поселении состоит в колебании их размера в пределах от 2×2 до 3×4 м, что, скорее всего, связано с количеством детей в малой семье. Общество выглядит абсолютно эгалитарным.

По каким событиям проводить границу двух периодов? Здесь стоит вспомнить историю лангобардского опального королевича Ильдигиса, сбежавшего от лангобардского короля около 539 г. со своей дружиной к славянам. Там летом 548 г. он набрал отряд до 6 тыс. славянских воинов сначала для помощи гепидам против его врага Авдуина, короля лангобардов, а потом для похода в Италию. Затем он снова вернулся к славянам со своей дружиной и присоединившимися гепидами и вскоре (между 548 и 551 гг.) ушел с дружиной в 300 лангобардов в Константинополь на службу к Юстиниану (Prok. Caes. bell. VII 35,12–22; VIII 27,1–8, cf. Paul. Diac. I 27)⁶¹. Очевидно, что столь долгое присутствие лангобардского вождя, претендовавшего на королевский трон, со своим отрядом (не менее 300 отборных воинов, по Прокопию) не могло не сказаться на общественной жизни местного населения. С другой стороны, Ильдигис так и не прижился среди славян, в отличие от аналогичного случая с франком Само(ном) в VII в.: видимо, славянское общество времени Ильдигиса еще не было готово к надежному симбиозу с германской дружиной для построения стабильной вождеской структуры. Но отряд, набранный Ильдигисом среди славян (почти 5700 воинов?), был весьма значительным для тогдашнего славянского мира. Если исходить из приведенных выше демографических расчетов, то можно

предположить, что в походе Ильдигиса участвовала молодежь двух-трех сотен общин наподобие черновской или корчакской. Выделение Тимощуком для украинского Прикарпатья четырех десятков общин (см. расчеты выше) позволяет предположить, что в отряде Ильдигиса могла участвовать славянская молодежь всей Волыни, Малой Польши и Галиции, а прилегающих территорий. Не были ли эти события были одним из главных катализаторов начинавшегося внутреннего переустройства славянского мира?

В настоящий момент в отечественной науке в результате многочисленных публикаций детально исследовано соотношение данных о славянах VI–VII вв. с последующим временем формирования средневековых славянских государств, установлена потенциальная возможность вписать данные источников о славянах в существующую позднесоветскую марксистскую модель разложения родоплеменного общества и возникновения классов и государства. Однако нет уверенности, что эта модель может адекватно описать раннеславянский материал: сохраняется опасность «втискивания» данных источников в модель, разработанную на другом материале. Кроме того, большинство из этих исследований проводилось с преимущественным интересом не к раннеславянскому материалу, а к средневековому — балканскому, древнерусскому и средне-европейскому, что приводило к «дрейфу» рассуждений и выводов в сторону средневековой проблематики. Соответственно, сейчас необходимо конкретно-историческое исследование раннего славянства, которое бы было сконцентрировано на периоде V–VII вв., но не целиком, а с учетом его внутреннего деления на подпериоды, каждый из которых должен быть исследован независимо, исходя из него самого в контексте общей истории Европы и Средиземноморья. Необходимо анализировать данные письменных источников, исходя из характерных черт позднеантичной литературной культуры, особенностей политической и социальной истории конца позднеримского периода, специфики варварского общества эпохи поздней античности при одновременном отказе от привычных аналогий, как то данные Цезаря и Тацита. Это не означает полного отказа от исторических и этнографических аналогий, которые, конечно, надо применять, но с учетом всего известного науке разнообразия форм догосударственных структур, а не только тацитовских германцев. При этом важно не налагать заранее готовых схем, разработанных преимущественно для западногерманского региона, на скудные сведения источников о ранних славянах, чтобы их данные не потонули бы среди германских аналогий. Наоборот, надо учитывать культурную и социально-политическую специфику раннего славянства. Применение такого подхода, в первую очередь учитывающего этнокультурную специфику и специфику периода, и лишь во вторую — соотношение с развитием других народов, дало в свое время прекрасные результаты при изучении послегуннских этнополитических образований в Среднем Подунавье⁶².

- ¹ Особую благодарность за критические замечания и дружескую помощь при обсуждении этого текста в группе «Хронограф» (https://vk.com/seminar_hronograf) спешу высказать М. М. Казанскому, Я. Е. Артемьевой-Беспальчиковой, А. С. Щавелёву и А. Е. Викторову.
- ² *Иванова О. В.* Формы политической организации славянского общества в центральной и южной частях Балканского полуострова в VII–VIII вв. // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 56–65.
- ³ *Белевец В. Г.* Бутероль из Яскович: к изучению эпохи Великого переселения народов в Припятском Полесье // *Stratum plus*. 2020. Т. 4. С. 115–130.
- ⁴ *Казанский М. М.* Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // *Stratum plus*. 2015. Т. 5. С. 51–54.
- ⁵ Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1985.
- ⁶ Там же. С. 34.
- ⁷ Там же. С. 39, 42.
- ⁸ Там же. С. 43–44.
- ⁹ Там же. С. 45.
- ¹⁰ Там же. С. 48–49.
- ¹¹ *Свердлов М. Б.* 1) Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 55–82; 2) Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 16–42; 3) Генезис и структура феодального общества в древней Руси. Л., 1983. С. 18–23.
- ¹² *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 70.
- ¹³ *Горский А. А.* 1) Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М.: «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. С. 25–38; 2) Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 13, 19, прим. 31.
- ¹⁴ *Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е.* Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты / Отв. ред. А. А. Горский. СПб.: Алетейя, 2011. С. 131.
- ¹⁵ Там же. С. 150.
- ¹⁶ Там же. С. 151.
- ¹⁷ Там же. С. 172.
- ¹⁸ *Горский А. А.* Русь. С. 19.
- ¹⁹ Там же. С. 19.
- ²⁰ Там же. С. 14–15.
- ²¹ *Griffin-Pierce T.* Native Peoples of the Southwest. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2000. P. 367–368.
- ²² *Горский А. А.* Русь. С. 14–18.
- ²³ О термине «племя» см. материалы нашего совместного с А. А. Горским и коллегами интервью: *Горский А. А., Плетерский А., Пузанов В. В., Шувалов П. В.* «Племя» в славянском мире в раннее средневековье // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 1 (19). С. 3–16.
- ²⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах / Ред. Л. А. Гиндин и Г. Г. Литаврин. М., 1991. С. 106–107; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Пер. Е. Ч. Скржинская. М., 1960. С. 72, 136.
- ²⁵ *Pohl W.* 1) *The Avars: A Steppe Empire in Central Europe, 567–822.* Ithaca and London: Cornell University Press, 2018. P. 117–162; 2) Conceptions of ethnicity in Early Medieval studies // *Archaeologia Polona*. 1991. No. 29. P. 45–46, 48.
- ²⁶ Эта чрезвычайно важная идея была сформулирована Вальтером Полем (*Pohl W.* *Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr.* München: Beck, 1988. S. 126) и затем воспринята Флорином Куртой и развита в его книге (*Curta F.* *The making of the Slavs: history and archaeology of the Lower Danube region, c. 500–700.* Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 319–325), которая, впрочем, не во всех своих частях может считаться базисной (см. обсуждение: Становление славянской идентичности: по поводу книги Флорина Курты // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 3–172).

- ²⁷ *Шувалов П. В.* 1) Разные славяне в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия // *Stratum-plus*. 2015. Т. 5. С. 217–226; 2) *Die Blonden des 11. Buches des Pseudo-Maurikios* // *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*. 2020. No. 80. S. 108–133.
- ²⁸ Подробнее см.: *Шувалов П. В.* «Питаюсь лисами, и лесными кошками и кабанам, пере-кликаясь же волчьим воем»: Псевдо-Маврикий, Псевдо-Кесарий и Прокопий о славянах до Маврикия // *Stratum plus*. 2021. Т. 4. С. 141–147.
- ²⁹ *Войнаровский В. М.* Чорнівка-I. Поселення IV–IX ст. на Буковині. Чернівці, 2007. С. 131, 132.
- ³⁰ *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М.: Наука, 1990. С. 73, рис. 28, с. 95–96, 179–180; *Войнаровский В. М.* Чорнівка-I. С. 7–8.
- ³¹ *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община... Рис. 29 на с. 75 — ср. с. 144–182.
- ³² *Тимощук Б. А.* Восточные славяне: от общины к городам. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 11–16; *Томашевский А. П., Гавритухин И. О.* Славянское поселение Тетеревка I. Киев: НИИЦ АРХЭ, 1992. С. 30.
- ³³ *Войнаровский В. М.* Чорнівка-I. С. 127.
- ³⁴ *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община... С. 80.
- ³⁵ *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Кодын — славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М.: Наука, 1984. С. 44.
- ³⁶ *Русанова И. П.* Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976. С. 48.
- ³⁷ *Томашевский А. П., Гавритухин И. О.* Славянское поселение... С. 20, 27, ср. с. 16 и рис. 36, 37А.
- ³⁸ *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община... С. 79.
- ³⁹ Там же. С. 84–85.
- ⁴⁰ *Кучма В. В.* «Стратегикон» Маврикия // *Свод...* Т. I. 1991. С. 391–392.
- ⁴¹ *Томашевский А. П., Гавритухин И. О.* Славянское поселение... С. 13–31, 37–41, рис. 1, 33–43.
- ⁴² Там же. С. 24–30.
- ⁴³ Там же. С. 27.
- ⁴⁴ *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община... С. 85.
- ⁴⁵ *Томашевский А. П., Гавритухин И. О.* Славянское поселение... С. 14–15.
- ⁴⁶ *Русанова И. П.* Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом / *Археология СССР, свод археологических источников Е1–25*. М.: Наука, 1973. С. 27, 89, табл. 37Б.
- ⁴⁷ *Томашевский А. П., Гавритухин И. О.* Славянское поселение... С. 18 и рис. 36Ж.
- ⁴⁸ Там же. С. 12, рис. 33; *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община... С. 34–37.
- ⁴⁹ *Тимощук Б. А.* Восточные славяне: от общины к городам. С. 23, 24, 28.
- ⁵⁰ *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Языческие святилища древних славян. М.: Ладога-100, 2007. Рис. 13 на с. 242.
- ⁵¹ Там же. С. 50–51.
- ⁵² *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община... С. 149–152.
- ⁵³ Там же. С. 99.
- ⁵⁴ Там же. С. 93, рис. 34.
- ⁵⁵ Там же. С. 171–173.
- ⁵⁶ Там же. С. 80.
- ⁵⁷ Там же. С. 100.
- ⁵⁸ Там же. С. 104.
- ⁵⁹ Там же. С. 106.
- ⁶⁰ Там же. С. 85.
- ⁶¹ *Свод...* С. 188–191; *Прокопий из Кесарии*. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьев. М., 1950. С. 357–358, 466.
- ⁶² *Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert* / *Denkschriften der Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse*. Bd. 145 / *Veröffentlichungen der Kommission für Frühmittelalterforschung*. Bd. 4.

References

- BELEVEC V. G. *Buterol' iz Jaskovich* [Bouterolle from Yaskovich. In Russ.] // Stratum plus. 2020. No. 4. S. 115–130.
- BUDANOVA V. P., GORSKIJ A. A., ERMOLOVA I. E. *Velikoe pereselenie narodov* [Migration period. In Russ.] / Ed. A. A. Gorskiy. St. Petersburg, 2011.
- CURTA F. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge, 2001.
- Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert* [The peoples in the Middle and Lower Danube in 5th and 6th centuries. In Germ.] / Denkschriften der Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. Bd. 145 / Veröffentlichungen der Kommission für Frühmittelalterforschung. Bd. 4.
- GORSKIJ A. A. *Drevnerusskaja družhina* [Old Russian družhina. In Russ.]. Moscow, 1989.
- GORSKIJ A. A. *Rus': ot slavjanskogo rasselenija do moskovskogo carstva* [Rus: from Slavic migration until Moscow tsars. In Russ.]. Moscow, 2004.
- GORSKIJ A. A., PLETERSKI A., PUZANOV V. V., SHUVALOV P. V. "Plemja" v slavjanskom mire v rannee srednevekov'e [The "Tribe" in Slavic world in the Early Middle Ages. In Russ.] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. No. 1 (19). S. 3–16.
- GRIFFIN-PIERCE T. *Native Peoples of the Southwest*. Albuquerque, 2000.
- IORDAN. *O proisvohzhenii i dejanijax getov* [Jordannes. The Origin and Deeds of the Getae. In Lat. and Russ.] / Transl. E. C. Skrzhinskaja. Moscow, 1960.
- IVANOVA O. V. *Formy politicheskoj organizacii slavjanskogo obshchestva* [Forms of political organization of Slavic society. In Russ.] // Étnosocial'naja i politicheskaja struktura rannefeodal'nyx slavjanskix gosudarstv i narodnostej. Moscow, 1987. P. 56–65.
- KAZANSKI M. M. *Vooruzhenie i konskoe snarjazhenie slavjan V–VII vv.* [Slavic weapons and harness of the 5th–7th centuries. In Russ.] // Stratum plus. 2015. No. 5. S. 43–95.
- KUCHMA V. V. "Strategikon" *Macrikija* [The Strategikon of Maurice. In Russ. and Classic Greek] // Svod... 1991. S. 364–393.
- POHL W. *Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr.* [The Avars: A steppe nation in Central Europe, 567–822. In Germ.]. München, 1988.
- POHL W. *Conceptions of ethnicity in Early Medieval studies* // Archaeologia Polona. 1991. No. P. 39–49. = Debating the Middle Ages: Issues and Readings / Ed. L. K. Little and B. H. Rosenwein. Malden Mass., 1998. P. 13–24.
- POHL W. *The Avars: A steppe empire in Central Europe, 567–822*. Ithaca; London, 2018.
- PROKOPIJ iz KESARII. *Vojna s gotami* [War with Goths. In Russ.]. Moscow, 1950.
- Rannefeodal'nye gosudarstva na Balkanax. VI–XII vv.* [Early feudal states in Balkans. In Russ.] / Ed. G. G. Litavrin. Moscow, 1985.
- RUSANOVA I. P. *Slavjanskije drevnosti VI–IX vv. mezhdu Dneprom i Zapadnym Bugom* [Slavic antiquities of 6th–9th centuries on the territory between Dnyepyr and Western Bug. In Russ.] / Arxeologija SSSR, svod arxeologicheskix istochnikov EI-25. Moscow, 1973.
- RUSANOVA I. P. *Slavjanskije drevnosti VI–VII vv.* [Slavic antiquities of 6th–7th centuries. In Russ.]. Moscow, 1976.
- RUSANOVA I. P., TIMOSHCHUK B. A. *Kodyn — slavjanskije poselenija V–VIII vv. na r. Prut* [Kodyn — Slavic sites of 5th–8th centuries on the river Prut. In Russ.]. Moscow, 1984.
- SHUVALOV P. V. "Pitajas' lisami i lesnymi koshkami i kabanami, pereklikajas' zhe volch'im voem": *Pseudo-Mavrikij, Pseudo-Kesarij i Prokopij o slavjanax do Mavrikija* ["Eating foxes, forest cats, and wild boars, howling each other like wolves": Pseudo-Maurice, Pseudo-Caesar and Procopius about the Slavs before Maurice. In Russ.] // Stratum plus. 2021. Vol. 4. S. 141–147.
- SHUVALOV P. V. *Die Blondes des 11. Buches des Pseudo-Mavrikios* [The blonds of 11th book of Pseudo-Maurice. In Germ.] // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. 2020. No. 80. S. 108–133.
- SHUVALOV P. V. *Raznye slavjane* [Diverse Slavs. In Russ.] // Stratum plus. 2015. Vol. 5. S. 217–226.
- Stanovlenie slavjanskoj identichnosti: po povodu knigi Florina Kurty [The emergence of Slavic identity: on Florin Curta's book. In Russ.] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. Vol. 2 (4). S. 3–172.
- SVERDLOV M. B. *Domongol'skaja Rus': knjaz' i knjazheskaja vlast' na Rusi VI — pervoj treti XIII vv.* [Rus before Mongols: the prince and his power in Rus of 6th–13th centuries. In Russ.]. St. Petersburg, 2003.
- SVERDLOV M. B. *Stanovlenie feodalizma v slavjanskix stranax* [The emergence of feudalism in Slavic Lands. In Russ.]. St. Petersburg, 1997.

SVERDLOV M. B. *Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnej Rusi* [Genesis and structure of the feudal society in Old Rus. In Russ.]. Leningrad, 1983.

Svod drevnejshix pis'mennyx izvestij o slavjanax / Ed. L. A. Gindin, G. G. Litavrin. Moscow, 1991. T. I.

TIMOSHCHUK B. A. *Vostochnoslavjanskaja obshchina VI–X vv. n. e.* [The eastern Slavic obshchina. In Russ.]. Moscow, 1990.

TIMOSHCHUK B. A. *Vostochnye slavjane: ot obshchiny k gorodam* [Eastern Slavs: from obshchina to cities. In Russ.]. Moscow, 1995.

TIMOSHCHUK B. A., RUSANOVA I. P. *Jazycheskie svjtilishcha drevnix slavjan* [Pagan sanctuaries of the ancient Slavs. In Russ.]. Moscow, 2007.

TOMASHEVSKIJ A. P., GAVRITUXIN I. O. *Slavjanskoe poselenie Teterevka I* [Slavic site Teterevka I. In Russ.]. Kiev, 1992.

VOJNAROVSKIJ V. M. *Chornivka-I. Poselennja IV–IX st. na Bukovini* [Chornivka-I. Settlements of 4th–9th centuries in Bukovina. In Ukr.]. Chernivci, 2007.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. В. Шувалов. Два периода в истории славян VI века // *Петербургский исторический журнал.* 2021. № 4. С. 131–147

Аннотация: Накопление и обработка археологического материала, новые публикации и изучение текстов письменных источников, передатирование славянских пассажей «Стратегикона» Псевдо-Маврикия, использование сравнительного этнографического материала создают возможность для пересмотра некоторых традиционных представлений о специфике и векторе развития славянства на момент его появления в письменных источниках. Выделение из всей массы источников по славянам VI в. данных, характеризующих первую его половину, как письменных (Иордан, Псевдо-Кесарий, Псевдо-Маврикий и Прокопий), так и археологических (ранние фазы пражской культуры), позволяет утверждать, что славянское общество на этот момент было патриархально-эгалитарным, без племенной знати и без четко оформленных надобщинных племенных структур. Общество раннего периода было сегментированным, а не иерархизированным. В нем не было ни развитых постоянных надобщинных структур, ни реальной власти вождей, ни господства одних общин над другими. Славянское общество и культура предстают как совершенно архаичные и патриархальные. Основой этого общества были не кланово-родовые общины, а большесемейные или локально-семейные группы, лишь периодически объединяющиеся при возникновении внешней угрозы. Освоение славянами новой территории шло не через отселение частей или целых общин, а через поселение на новом месте одного прародителя или одной семьи на достаточном отдалении от других таких же поселенцев. От этой материнской семьи со временем при благоприятных обстоятельствах отделялись новые семьи, основывавшие дочерние поселения по соседству. Все вместе они к VIII в. оформлялись в классическую общину. Во второй половине VI в. в результате демографического роста и соответствующей интенсификации контактов как внутри славянства, так и с соседними народами возникают зародыши новых более сложных социальных и потестарно-политических структур. В результате этого в VII в. происходит стремительный переход от эгалитарно-первобытного общества к обществу с сформировавшейся княжеской властью. Это позволяет поставить вопрос о действительно революционном развитии славянства во второй половине VI в. после походов Ильдигиса.

Ключевые слова: ранние славяне, локальная группа, Ильдигис, патриархальная семья, община, селение, городище, князь, знать, старейшины.

FOR CITATION

P. V. Shuvalov. Two periods in the history of the Slavs in 6th century // Petersburg historical journal, no. 4, 2021, pp. 131–147

Abstract: The accumulation and investigation of archaeological material, new publications and study of the texts of written sources, transmission of the Slavic passages of the “Strategikon” of Pseudo-Maurice, the use of comparative anthropologic material create an opportunity to revise some traditional conceptions of the specifics and vector of development of the Slavs at the time of their appearance in written sources. The selection of data from the entire mass of sources on the Slavs of the 6th century, characterizing its first half, — both written (Jordannes, Pseudo-Caesar, Pseudo-Maurice and Procopius), and archaeological (the early phases of Prague culture) — allows us to assert that the Slavic society at that moment was patriarchal-egalitarian, without tribal nobility and without clearly defined supra-communal tribal structures. Early society was segmented, not hierarchical. It had neither developed permanent supra-communal structures, nor real power of the leaders, nor domination of some communities over others. Slavic society and culture appear as completely archaic and patriarchal. The basis of this society was not clan communities, but large-family or local-family groups, only periodically uniting when an external threat arose. The development of the new territory by the Slavs did not go through the resettlement of parts or entire communities, but through the settlement in a new place of one progenitor or one family at a sufficient distance from such other settlers. From this maternal family, over time, under favorable circumstances, new families were separated, establishing subsidiary settlements in the neighborhood. All together, by the 8th century, they were formed into a classical community. In the second half of the 6th century as a result of demographic growth and the corresponding intensification of contacts both within the Slavs and contacts with neighboring peoples, the embryos of new, more complex social and political structures are emerging. In the 7th century, there is a rapid transition from the egalitarian primitive society to a society with a formed princely power. This allows us to raise the question of a truly revolutionary development of the Slavs in the second half of the 6th century after the Ildigis raids.

Key words: early Slavs, local group, Ildigis, patriarchal family, community, settlement, fortified settlement, prince, nobility, elders.

Автор: Шувалов, Петр Валерьевич — к. и. н. (археология), доцент, кафедра общего языкознания имени Л. А. Вербницкой Санкт-Петербургского государственного университета.

Author: Shuvalov, Petr Valer'evich — PhD in History (archaeology), Associate Professor, The Verbitskaya Department of General Linguistics of Saint Petersburg State University.

E-mail: p.shuvalov@spbu.ru, peshuv@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6361-4531